

Пестова Наталья Васильевна,

доктор филологических наук, профессор, директор Института иностранных языков, заведующий кафедрой немецкой филологии, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, к. 373; e-mail: pestova@uspu.ru

**РОМАНТИЧЕСКАЯ НОВЕЛЛА КАК ОБЪЕКТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА:
МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОДИКА, МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: методология; метод; методика; технология; объект; предмет; теоретическая база; романтический дискурс; дискурсивный метод; жанр; романтическая новелла.

АННОТАЦИЯ. Обсуждается методология литературоведческого и лингвистического исследования романтической новеллы как особого жанра, которую можно предложить студентам филологических факультетов вузов в качестве отправной точки для самостоятельной научной работы над прозаическим художественным произведением малой формы.

Pestova Natalia Vasilievna,

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of German Philology, Director of Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

**THE ROMANTIC NOVELETTE AS AN OBJECT OF LINGUISTICS DEGREE RESEARCH:
METHODOLOGY, METHODS, RESEARCH PROCEDURE**

KEY WORDS: methodology; methods; research procedure; object; subject; theoretical foundation; romantic discourse; discursive method; genre; romantic novella (novelette).

ABSTRACT. The article presents methodology of linguistic research and literary study of romantic novella (novelette). This specific genre of extended prose narrative story could be considered an ideal choice as a starting point of bachelor/master of linguistics degree research.

Правильное построение методологической базы предстоящего филологического (литературоведческого и лингвистического) исследования художественного произведения означает осуществление целого ряда процедур и шагов, соотносенных между собой, дополняющих друг друга и направленных на достижение одной цели. Для успеха всего мероприятия следует, во-первых, выбрать «достойный» объект исследования, действительно интересный обучающемуся, и принять решение, под каким углом зрения, в каком аспекте этот объект будет рассматриваться, т. е. определить *предмет* научного сочинения. В нашем случае примером объекта послужит немецкая романтическая новелла, которую мы будем рассматривать с точки зрения проявления в ней жанровых характеристик и различных способов их языкового воплощения. Таким образом, в нашем *предмете* исследования объединяются два ракурса приближения к художественному тексту: литературоведческий и лингвистический. Объектом, достойным внимания и профессионала, и любителя словесности, может послужить один из шедевров мировой литературы, который атрибутируется литературоведением и как «сказочная новелла», и как «романтическая литературная сказка» – произведение Л. Тика «Белокурый Экберт» («Der blonde Eckbert», 1797). Эта миниатюра стала ярким свидетельством того, что в эпоху романтизма в Германии были

созданы художественные произведения высочайшей пробы, которые столетиями будут служить образцом и жанрового канона, и всех ведущих концептов романтического сознания. Новеллу Л. Тика чаще называют «романтической сказкой», т. к. в ней по законам сказки традиционное и будничное поначалу повествование превращается в страшный рассказ на запретные темы, семейная идиллия оказывается иллюзорной, а всех героев ждет крах надежд и гибель. Под внешне спокойным укладом жизни и безмятежностью героев скрыто неблагополучие и страшная тайна, которая сыграет роковую роль в их жизни.

Разумеется, *материал* такого исследования может не ограничиваться одной-единственной новеллой, его можно расширить другими новеллами того же автора («Рунная гора») или других авторов (Э. Т. А. Гофман «Песочный человек», «Крошка Цахес по прозвищу Циннобер») этого литературного направления, но для целей нашей статьи новелла «Белокурый Экберт» в силу своей каноничности и эталонности может быть признана «необходимой и достаточной» для обсуждения адекватной методологии исследования (материалом для написания данной статьи послужила курсовая работа студентки УрГПУ Д. Яблонской).

Каких же мы хотим добиться результатов в итоге, т. е. какова цель такого филологического исследования? Предположим, мы

хотим выявить всю систему способов организации этой романтической новеллы, которые позволяют безошибочно отнести ее именно к этому жанру и отличают от других литературных жанров романтизма и/или жанров других литературных направлений. Следовательно, нашу *цель* можно сформулировать следующим образом: установить жанровые характеристики в новелле-сказке Л. Тика «Белокурый Экберт» и выявить систему языковых средств разных уровней, необходимых для их реализации.

Следующий шаг в выстраивании методологии – это определение *теоретической базы*, необходимой для успешного достижения цели работы и выполнения промежуточных задач. Очевидно, что на пути к цели предстоит освоить солидный комплекс теоретических вопросов, выделить и решить конкретные задачи и определить набор методов и методик, необходимых для их решения. В качестве первой *задачи* обозначим изучение немецкого романтизма как литературного направления в рамках литературного процесса. Очевидно, что погружение в этот историко-литературный материал должно носить *дискурсивный характер*. Что значит *дискурсивный*? Профессор З. И. Комарова напоминает нам замечательное по своей емкости и лаконичности высказывание Фомы Аквинского: «Дискурсивный интеллект – это такой, в котором одно познается через посредство другого» [4, с. 29]. Именно так, через познание историко-культурной и социально-политической ситуации в Германии в данный период, через осмысление передовых научных, прежде всего, актуальных на тот момент философских взглядов, мировоззренческих, этических, эстетических, нравственных норм, принятых в обществе, исследователь формирует и формулирует новое знание и выстраивает *романтический дискурс*. В нем обязательно будет учитываться специфика немецкого романтизма на фоне других аналогичных национальных явлений. Один из выдающихся германистов современности В. М. Жирмунский подчеркивал, что «романтизм везде имеет национальную окраску, нет романтизма вообще, а есть немецкий, французский, английский романтизм – всюду различный <...> Главная особенность немецкого романтизма – религиозно-мистические мотивы как живое чувство присутствия бесконечного в конечном» [2, с. 63–64]. Небесполезными в выстраивании такого *романтического дискурса* оказываются сведения о достижениях в других жанрах искусства: в музыке, живописи или иных жанрах, характерных для конкретной эпохи или периода. Такой *интердискурсивный* взгляд на объект обога-

щает исследование важными для его глубины и полноты фоновыми знаниями.

Важным для нашего исследования является и разделение немецкого романтизма на йенский и гейдельбергский, каждый из которых имел свои приоритеты и особые пристрастия. Во главе интересующего нас йенского круга романтиков стояли братья Ф. Шлегель и А. В. Шлегель, в эту группу, кроме Л. Тика (1773–1853), входили В. Г. Вакенродер и писатель-философ Новалис. Романтики подвергали сомнению возможность познания мира только с помощью разума и, вслед за Фихте и Шеллингом, философия которых была особенно близка йенцам, основным инструментом познания считали интеллектуальную интуицию и продуктивное созерцание. Герои романтиков – всегда созерцатели, их жизнь полна не внешними событиями, а напряженной духовной деятельностью и рефлексией. Йенские романтики идеализировали патриархальные отношения, осуждали своеволие и жажду обогащения, верили в возможность жизни человека по законам души и сердца и считали, что деньги и расчет калечат человеческую душу. Проблематика изучаемой новеллы сосредоточена именно вокруг центральной идеи йенских романтиков о том, что несправедное богатство не приносит счастья и разрушает личность. Очевидно, что *теоретическую базу* этого фрагмента исследования должны составлять работы выдающихся отечественных и зарубежных германистов Н. Я. Берковского, В. М. Жирмунского, А. В. Михайлова, А. В. Карельского, Б. фон Визе и др.

Методика дискурсивного анализа, применяемая в этой части работы, является одной из наиболее востребованных в рамках *дисциплинарных методов лингвистики и литературоведения*. Она адекватна цели и объекту исследования, т. к. соответствует стремлению Л. Тика и других йенских романтиков синтезировать философское, научное, историко-культурное знание, диалектически постичь взаимосвязь жизни и искусства, человека и природы. В изучаемой новелле четко просматривается центральное романтическое устремление – иметь дело с самой реальностью и в то же время сохранять за собой свободу рефлексии и воображения; в романтическом единстве мира реального и ирреального сфера чудесного противопоставлена эмпирической реальности, где царствует «истина рассудка». Столкновение реальности и авторской фантазии обеспечивает двуплановость произведения и порождает сомнение читателя в происходящем, что подогревает любопытство и интерес.

Второй необходимой *задачей* такого исследования становится глубокое знакомство с теорией жанра и более частной проблемой – немецкой романтической новеллой как особым жанром, т. к. романтическая новелла образовала самостоятельный этап в развитии жанра. Как известно, романтики не признавали жестких границ жанров. Собственно сказку они мыслили не столько как жанр, сколько как наиболее свободную форму романтического искусства [6, с. 39]. *Теоретическую базу* для решения этой задачи составит совокупность нескольких рекомендуемых работ: это – фундаментальный труд проф. Н. Л. Лейдермана «Теория жанра», который детально представляет «факторы жанра» [5, с. 168], монография берлинского профессора В. Рата «Новелла: концепт и история», посвященная конкретно характеристикам немецкой романтической новеллы [8] и известные работы В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки» (2002) и «Морфология волшебной сказки» (2001), которые помогут распознать в «Белокуром Экберте» все сказочные «приметы», например, элементы сказочного хронотопа.

Отдавая предпочтение новелле-сказке, романтики создали особую форму фантастического, связанную с поэтикой тайны, с фантастикой необъяснимого. Эта новелла-сказка – первая действительно фантастическая история в немецкой литературе, для нее характерно широкое использование как сказочных элементов, волшебных коллизий, так и фантастических образов или образов-перевертышей, образов-двойников. В исследуемом произведении два главных *земных* героя – Экберт и Берта – противопоставлены *мистическому* герою, являющемуся то в образе Вальтера, то Гуго, то старухи-волшебницы, и эти перевоплощения переносят сказку в сферу фантастического, где «самое чудесное перемешалось с самым что ни на есть обыденным» [9, с. 60].

Важным признаком новеллы как жанра малой повествовательной прозы является остросюжетность, т. е. наличие неожиданного поворота событий, резкого слома в их протекании. Таким неожиданным поворотом, «неслышанным происшествием» (Й. В. Гете) или так называемым «эффектом сокола» («Falke») в «Белокуром Экберте» является забытое героиней и внезапно вынырнувшее в речи Вальтера имя собачки *Strohman*. Невероятный ужас овладел Бертой, когда, прощаясь, Вальтер вдруг сказал: «Я хорошо представляю, как Вы кормите маленького Штромиана» [9, с. 56]. Такой остраивающий элемент внезапно опрокидывает весь смысл текста, заставляет воспринимать его как «нечто другое», включать

интуицию и догадку, ведь Вальтер не мог, не должен был знать имя собаки в случае, если он *тот*, за кого он себя выдает и за кого его принимают герои произведения Экберт и Берта, а вместе с ними и читатель. Но Вальтер произносит имя, и все стройное и прозрачное здание новеллы-сказки рушится. Э. Блох называет такое слово «криминальным» и считает его элементом будущих криминальных романов, начиная с Эдгара По. В этом фрагменте новеллы, когда некая высшая сила внезапно вторгается в земную жизнь, наиболее ярко проявляется специфичность воззрений немецких романтиков, о которых говорил В. М. Жирмунский: «Религиозно-мистические мотивы как *живое чувство присутствия* бесконечного в конечном».

Следующая задача – провести *литературоведческий анализ* романтической новеллы «Белокурый Экберт» с использованием адекватных цели исследования *методов и методик*. Существует целая система методов и подходов к изучению литературного произведения, которые подробно обсуждаются в коллективной монографии «Литература и методы ее изучения», рекомендуемой студентам в качестве *теоретической базы* всякого литературоведческого исследования [3]. Среди предлагаемых в ней дисциплинарных методов – биографический, психологический, формальный, структурный, культурно-исторический, сравнительно-исторический, социологический, метод литературной герменевтики, рецептивная эстетика, которые обеспечивают системный подход к художественному произведению. На основе одного или нескольких из них исследователь выбирает конкретную методику, которая должна быть продуктивной для изучения избранного объекта и адекватной предмету исследования, т. е. она должна фокусировать внимание на жанровой специфике художественного произведения и его языковой организации. В качестве такой методики студентам рекомендуется методика профессора МГУ А. Я. Эсалнек, которая предлагает алгоритм разбора от общего к частному и сочетает в себе элементы формального и структурного методов: формальный метод сосредоточен на изучении особенностей художественной формы, а структурный метод стремится описать «грамматику» произведения [7]. Пошаговое следование этой методике позволяет выстроить логическую модель изучаемого произведения, т. е. провести анализ и синтез всех составляющих сюжета и фабулы, мотивной структуры, композиции и таких важных для новеллы композиционных приемов, как «встроенный рассказ» (история Берты), или ретро-

спекция; портрета и речи персонажей, пространственно-временной организации сюжетного действия (хронотопа), пейзажа, лирических и авторских отступлений как внесюжетных элементов, а также роль повествователя и основные повествовательные формы. Изучение плана содержания позволяет в опоре на осмысленный в теоретической части романтический дискурс установить ведущую тему и проблематику произведения, выстроить мотивную структуру, а также систему интердискурсивных и интертекстуальных связей, т. е. отсылов к другим текстам романтического и/или других дискурсов, присутствующих в тексте новеллы явно или скрыто. Так, горы Гарц, куда автор помещает действие, тесно связаны с фольклорными представлениями об этой местности как средоточии нечистой силы и мгновенно настраивают искушенного читателя на широкий сказочный контекст. В исследуемой новелле центральной темой становится осуждение своеволия и жажды наживы, пагубная роль богатства, добытого нечестным путем, а основная проблематика как область осмысления изображаемой реальности сосредоточена вокруг души героя, терзаемого страхами, одиночеством, предчувствиями и догадками. Мотив «встреча» – важнейший сказочный мотив – образует и в данной новелле тот центр напряжения, который обеспечивает динамичность и остросюжетность новеллы как жанра, а также выстраивает интертекстуальные отсылы к сказкам Гриммов (например, «Гензель и Гретель»). Важными «подсвечивающими» мотивами в новелле становятся типичные для «готической новеллы» мотивы смерти и инцеста – с «готической новеллой» или «готическим романом» «Белокорого Экберта» сближают описание ландшафта, страх и неопределенность, которые испытывают главные герои. Однако лейтмотивом в мотивной структуре новеллы следует признать мотив «одиночества», который обеспечивается целым лексическим полем с этой семантикой.

Изучение романтического дискурса приводит к выводу, что йенский романтизм помещает в центр художественной концепции внутренний мир личности в ее отношениях с природой, не случайно поэтому большую смысловую и художественную нагрузку в новелле несет пейзаж, который сам становится действующим лицом. Детали пейзажа используются для раскрытия внутреннего мира героев, т. к., по мнению Новалиса, «наблюдая мир, они наблюдают себя». Так, Берта, погружаясь в тревожные воспоминания, всегда обращается к природе как к союзнику, и та отвечает ей спокойными, странными звуками: «... Und

dann hörte ich die Alte husten und mit dem Hunde sprechen, und den Vogel dazwischen, der im Traum zu sein schien, und immer nur einzelne Worte von seinem Liede sang. Das machte mit den Birken, die vor dem Fenster rauschten, und mit dem Gesang einer entfernten Nachtigall ein so wunderbares Gemisch, daß es mir immer nicht war, als sei ich erwacht, sondern als fiel ich nur in einen andern noch seltsamem Traum» [9, С. 49-50]. Это странное, сумеречное состояние героини, вслушивающейся в шум деревьев, в пение соловья или волшебной птицы, в кашель колдуньи и ее разговор с собакой воплощает центральные философские идеи йенских романтиков, в частности Новалиса, о потоках энергии, идущих от природы к человеку, и от человека к природе, которые он называет *вниманием* (Aufmerksamkeit): «Мы связаны со всеми частями универсума, равно как и с прошлым и будущим <...> Сосредоточение *внимания* на чем-либо равносильно открытию канала связи... тогда вспыхивает искорка контакта» [Цит. по: 1, с. 38]. Такое *внимание* предполагает напряженное вслушивание в тишину, фиксирование мельчайших шорохов и собственных мыслей, пульсацию в такт мировому ритму. Крайним проявлением внимания, по Новалису, является интуиция, предчувствие истины, еще не данной в эмпирическом опыте. Очевидно, что такое интерпретирующее прочтение текста новеллы невозможно без погружения в философский дискурс романтизма.

В задачу *лингвистического анализа* входит детальное рассмотрение «грамматики» произведения, которая, разумеется, не существует в отрыве от всех выявленных в ходе литературоведческого анализа составляющих элементов логической модели новеллы и всей специфики немецкого романтического дискурса. Как правило, в этой части работы наиболее эффективными методами являются стилистический, интерпретационный, компонентный анализ. Поскольку в цели работы указана необходимость выявления разноуровневых языковых средств, то начинать, очевидно, следует с фонетического уровня, поскольку звуковой символизм был в центре внимания романтиков: они считали, что звук подражает природе и тем самым приобретает смысл. Помимо собственно «звукописи» лексических единиц, выражающейся в «ассонансном напоре», в лексическом составе новеллы многочисленны глаголы, обозначающие различные звуки: «Mein Rädchen schnurrte, der Hund bellte, der wunderbare Vogel sang...» [9, с. 51]. Лексический состав новеллы, как уже замечено, позволяет выделить мотив «одиночества» как ведущий: в ядре этого

лексического поля стоят лексемы «Einsamkeit» и «einsam», в метафорическом его слое – лексемы «Schloß», «schließen», подчеркивающие такие аспекты одиночества, как отстраненность, отчуждение, отгороженность от внешнего мира. В синтаксическом рисунке произведения обращает на себя внимание частотность использования конструкции *Akkusativ + Infinitiv*, возможной только после глаголов, обозначающих чувства *sehen, hören, fühlen* («dumpf und verworren hörte er die Alte sprechen, den Hund bellen und den Vogel sein Lied wiederholen»); интересны конъюнктив косвенной речи, широко использующийся во внутренней речи героини, или временная сетка, отражающая сложную пространственно-временную структуру произведения. Также любопытным ракурсом рассмотрения «грамматики» произведения может стать поиск в тексте новеллы маркеров немецкого языка конца XVIII века. Мотив безумия, ко-

торый появляется в финале произведения («Eckbert lag wahnsinnig und verschiedend auf dem Boden») и для выражения которого можно выявить определенный набор лексических средств, перекидывает мостик от раннего модернизма к классическому: но если в романтизме безумие Экберта – еще результат столкновения с миром сверхъестественного и разрушение человеческого разума под его влиянием, то в классическом модернизме безумие становится «метафорой эпохи» и способом инакомыслия или бегства из мира. Таким образом, у проведенного исследования появляются новые горизонты и перспективы сопоставления.

Технология такого исследования, помимо указанных этапов работы, включает в себя моделирование собственно текста в соответствии с требованиями к научному стилю изложения, к оформлению цитат, текстовых ссылок и библиографического списка литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайнштейн О. Б. Язык романтической мысли: о философском стиле Новалиса и Фридриха Шлегеля / Российский гос. гуманитарный ун-т. М., 1994.
2. Жирмунский В. М. Литературные течения как явление международное. Л. : Наука, 1967.
3. Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кириозе З. И. Литература и методы ее изучения: системно-синергетический подход : уч. пособие. М. : Флинта ; Наука, 2011.
4. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : уч. пособие / УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, 2012.
5. Лейдерман Н. Л. Теория жанра: исследования и разборы / Уральский гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010.
6. Суходольская Т. Ю. Жанровое своеобразие романтической сказки Людвиг Иоганна Тика «Белокурый Экберт» (1797) // Веснік БДУ. Сер. 4. 2007. № 2.
7. Эсалнек А. Я. Основы литературоведения : анализ художественного произведения : практикум. М. : Флинта ; Наука, 2004.
8. Rath W. Die Novelle. 2. Aufl. Göttingen : Vandenhoeck&Ruprecht, 2008.
9. Tieck L. Der blonde Eckbert // von Wiese B. Romantik: Für die Gegenwart ausgewählte Texte. Wien ; Heidelberg : Verlag Carl Ueberreuter, o. J.

Статью рекомендует канд. пед. наук, доц. Е. А. Казакова.